

бы, — провозглашают революционные синдикалисты, — и только в этой борьбе могут зародиться элементы будущего строя... Таким образом, непосредственная экономическая борьба является для них альфой и омегой, и из нее они выводят моральную и умственную эмансипацию человечества; и всю необычайно сложную и многообразную общественную жизнь, в которой переплетаются столько различных глубоко противоположных, друг с другом борющихся и друг на друга влияющих элементов, они втискивают в узкие рамки синдикального движения.

Революционные синдикалисты доказывают, что такая интерпретация экономического эгоизма является истинно „марксистской“, и что из нее логически вытекает отрицательное отношение к парламентской борьбе. И надо признать, что в их аргументации имеется доля истины. Раз экономическая структура общества есть „реальный базис“, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка*, то революционные синдикалисты имеют право сказать, как говорит это Энрико Леоне, что их учение есть сама документация экономического материализма, ибо они черпают у корня экономической силы — синдиката — чтобы объяснить постоянный конфликт с формой производства — капитализмом, и политической надстройкой государства¹⁾. Наконец, не говорил ли Маркс, что всякая классовая борьба есть борьба политическая? И нет сомнений, что Маркс имел в виду борьбу на экономической почве, и иначе он не сравнивал бы ее с политической.

Марксовой теорией классовой борьбы революционные синдикалисты также, как они утверждают, дают толкование „logique et cohérente“ (логическое и стройное), стремясь к тому, чтобы рабочее движение было исключительно рабочим, „чисто классовым“ и свободным от каких бы то ни было посторонних элементов; отсюда их отрицательное отношение к интеллигенции. С строго ортодоксальной точки зрения такое толкование является безусловно более последовательным, чем у официальных марксистов, которые, собственно говоря, не дали до сих пор определенного решения вопроса об интеллигенции и продолжают путаться в противоречиях. Достаточно познакомиться с многочисленными вариациями на эту тему одного только Каутского, чтобы убедиться в этом. Впрочем, революционные синдикалисты для оправдания своего отношения к интеллигенции, ссылаются обыкновенно на самого Маркса. Так, например, в первом томе „Капитала“ Маркс говорит, что крупная механическая индустрия ускоряет процесс разделения между ручным трудом и интеллектуальными силами, которые она трансформирует во власть капитала над трудом²⁾. Это предсказание

¹⁾ Enrico Leone: La crise de l'Avant!, в „M. S.“, juin 1905, *франц. изд.*

²⁾ Сравни: К. Маркс „Капитал“, т. I, стр. 138 *франц. изд.*

Маркса на практике не оправдалось: мы замечаем даже скорое обратное явление, но революционные синдикалисты этим не смущаются. У них можно также часто встретить ссылки на известный памфлет Маркса „Alliance de la démocratie socialiste etc“, направленный против Бакунина, в котором имеются жестокие нападки на интеллигенцию. Таким образом, мы видим, что заключающиеся в революционном синдикализме элементы марксизма, благодаря толкованию „logique et cohérente“, являются причиной некоторых из крупнейших его отрицательных сторон.

Что касается прудонизма, то его печать на революционно-синдикалистической теории отсинулась еще гораздо ярче. Это и не удивительно, если принять во внимание, что революционный синдикализм зародился под сильным влиянием прудоновских идей и традиций. Возьмем, например, взгляд на государство Сореля, Лабриолы, Лагарделя и т. д. Они, как читатель мог в этом убедиться, очень далеки от гегелевской концепции государства, рассматривающей его, как „нравственный организм“, „объективный дух“, „царство свободы“, „всеобщую волю“ и т. д. Наоборот, для них государство — орудие гнета, организация, покоящаяся и могущая покоиться только на насилии и классовой эксплуатации. Но все, что ими высказывается в данном случае, можно найти в прудоновских „Idée générale de la révolution au XIX siècle“ и „De la capacité des classes ouvrières“. В этой последней книге мы находим знаменитую формулу „Ni hiérarchie, ni état“ (ни иерархии, ни государства), которую Сорель теперь провозглашает и которая была провозглашена Прудоном тридцать пять лет тому назад.

Пойдем дальше. Революционные синдикалисты видят проблему социальной революции в развитии экономических организаций рабочего класса, в которых могут выработаться отношения нового порядка. Но и Прудон именно представлял себе социальную революцию, как результат безграничного развития таких организаций, главным образом, кооперативных и взаимопомощи. Разница между Прудоном и революционными синдикалистами заключается в этом отношении только в том, что для первого переход к новому строю совершался постепенно, без катастрофы, чисто эволюционным путем, и что он настаивал при этом на сохранении индивидуальной собственности (не капиталистической), в которой он видел одну из пружин социального прогресса. Итальянцы в этом вопросе очень близко подходят к Прудону. Положение революционных синдикалистов, гласящее, что экономические организации рабочего класса, созданные им в настоящем, возьмут на себя заведывание производством в будущем, также заимствовано ими почти целиком у Прудона. „Да“, писал он в своей „Idée générale de la révolution etc“ — рабочие общества (compagnies ouvrières), протест против режима наемного труда и подтверждение принципа